

А.В. Ростокинский

**ДОПРАВОВЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ
И ДОЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ:
ЭТОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ
КРИМИНОЛОГА**

Монография

Таллин, 2021

УДК 343.9
ББК 67.51
Р78

Рецензенты:

Доктор юридических наук, профессор **Д.З. Зиядова**
Кандидат юридических наук, доцент **Р.С. Данелян**
2-е изд., с изм. и доп.

Р78 Ростокинский А.В. Доправовые регуляторы и дочеловеческое поведение: этологические наблюдения криминолога. / А.В. Ростокинский : монография – Таллин: EurAsian Scientific Editions Ltd, 2021. – 152 с.

Автор анализирует проблемы профилактики противоправного поведения, нейтрализации воздействия криминальной субкультуры и рассматривает некоторые вопросы эффективности мер наказания, связанного с изоляцией преступников от общества, с точки зрения достижений современной этологии.

Издание адресовано законодателям, правоприменителям, научным работникам, студентам и всем, кто интересуется данной темой.

Все права защищены.

Никакая часть материала, защищенного настоящим уведомлением об авторских правах, не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме или каким-либо способом, электронным или механическим, включая изготовление фотокопий, запись или любую систему хранения и извлечения информации, без письменного разрешения владельца авторского права.

© EurAsian Scientific Editions Ltd, Гонконг /
EurAsian Scientific Editions OÜ, Таллин, Эстония;

ISBN 978-9949-7485-3-2

www.eurasian-scientific-editions.org

1.3. Социализация и индивидуализация члена «маленького» общества: между зоологическим и символическим

Достойным удивления представляется автору то обстоятельство, что большинство коллег-криминологов и даже социальных педагогов, рассуждая о причинах формирования так называемых антиобщественных установок, рассматривают почти исключительно проблемы социализации подрастающего поколения. Такой подход представляется не только однобоким, исключая самостоятельность работы воспитуемого над выбором наиболее субъективно приемлемого варианта поведения в типичных ситуациях, но и допускающим слишком упрощенное понимание сущности социализации.

Последняя, как замечают психологи, является не только процессом, но и результатом усвоения и активного воспроизведения индивидом социального опыта, осуществляемым в общении и деятельности. При этом воспитание как определенным образом организованная и целенаправленная деятельность является ведущим и определяющим, но не единственным каналом социализации. Возможна и социализация как стихийное воздействие на сознание и поведение индивида различных обстоятельств жизни в обществе, имеющих характер разнонаправленных факторов⁴⁶. Тогда как индивидуализация представляет собой результат обретения в социальной деятельности человека социально значимых личностных отличий от других людей, неповторимую совокупность субъекта общественных отношений.

У каждого субъекта круг данных отношений, при условии нормального физического и психического развития, а также адекватного воспитания, постепенно расширяется. Во-первых, у каждого человека есть более-менее многочисленная семья, пред-

---

⁴⁶ Психология: словарь / под ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. 2-е изд. М., 1990. С. 373.

ставленная ближайшими и более дальними родственниками. Во-вторых, у него есть личные друзья и знакомые. Данные лица образуют на символическом уровне родное племя человека. В-третьих, индивид оказывается включенным в «большое племя» – территориальную общину, а также в этническое и религиозное сообщества. В-четвертых, индивид несет в себе пережитки классового псевдоплемени, а также является членом нового возрастного сообщества (подросток, молодой человек, человек зрелых лет, пожилой). Наконец, в-пятых, по мере обретения индивидуальной специализации происходит включение индивида в специализированные псевдоплемена-корпорации: профессиональные, ремесленные, спортивные, политические и т. д.

На первом месте в данном перечне не случайно находятся семейные отношения. «Сложные системы родства в человеческом обществе представляют собой средство для поддержания единства группы и её стабильности, причем средство несравненно более совершенное, чем родственные связи у приматов, так как системы родства объединяют не только кровных родственников, но и генетически неродственных индивидов в единую систему и обеспечивают регламентированные устойчивые взаимоотношения между ними на протяжении всей жизни силой традиции. Системы родства в человеческих обществах позволяют расширить круг социально зависимых между собой особей, увеличивать их число иногда до общей численности всей группы (австралийские системы родства). Это способствует максимальному избеганию конфликтов в пределах группы. Системы родства выполняют также роль социального буфера агрессии»⁴⁷.

Но в каждом случае при расширении круга общения и сферы деятельности субъекта необходимы не только приобретение исходных, базовых знаний для организации взаимодействия с ранее неизвестными людьми, но и умение адаптироваться к требованиям новой нормативной системы социальной группы, опреде-

---

⁴⁷ Буговская Л.М., Файнберг Л.А. Указ. соч. С. 89.

ленным образом расширять перечень ранее усвоенных норм. Без этого приобретение и критический анализ нового социального опыта индивидом будут затруднены или вовсе невозможны, мотивация на приобретение группового статуса существенно изменена. Эту зависимость интуитивно выразил А.С. Пушкин в «Евгении Онегине»:

Блажен, кто смолоду был молод,
блажен, кто вовремя созрел...
...Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она.
Несносно зреть перед собою
одних обедов длинный ряд...

В данном примере гениально отражена рассогласованность достигнутых социальных статусов со всеми сопутствующими возможностями и ограничениями индивидуальных устремлений, рассогласованность, порождающая не только убийственную скуку, но и такие проявления индивидуальной активности, которые причиняют много бед самому лирическому герою и окружающим его лицам. И дело не только в «загнивании и разложении» дворянства, современного А.С. Пушкину. Герой романа не получил от воспитателя-«мусью» (родители ребенком не занимались) необходимые знания об устройстве и принципах своей микрогруппы и тех групп, в которые ему предстояло вступить, а рутинное, ритуализированное исполнение статусных обязанностей (вступать в связи, ездить на балы, гулять по бульвару) Онегину быстро надоело. К обретению нового индивидуального опыта в соответствующих группах он уже не стремился. Естественно, последовали различные поведенческие девиации, как бы сказали социологи, нисходящая мобильность и криминал. Второе появление Онегина в свете сразу же сопровождается скандалом в семье Татьяны...

Этологи давно заметили, что легкая скука порождает безделье и отсутствие цели и мотивации. Тогда как невыносимая скука в условиях серости и пустоты бытия производит обратный эффект: она порождает обеспокоенность и возбуждение, раздражительность и даже злость.

Д. Моррис называл поразительными результаты одного эксперимента, проведенного в группе студентов. На каждого из добровольцев надели светонепроницаемые очки и грубые перчатки, ограничивающие даже малейшие движения рук, и поместили их поодиночке в пустую комнату. Чем дольше они находились взаперти, тем труднее им было расслабиться. Изю всех сил они старались придумать хоть какое-то занятие, которое подходило бы для таких ограниченных условий. Они начинали свистеть, разговаривать сами с собой, пританцовывать, стараться делать хоть что-нибудь, каким бы абсурдным это ни было, только бы нарушить монотонность существования. Через несколько дней у участников стали наблюдаться признаки сильнейшего стресса, и эксперимент пришлось прекратить, так как дальнейшее нахождение в подобных условиях стало опасным⁴⁸. Следовательно, отсутствие активности губительно для нервной системы, и мозг старается делать все, чтобы избежать этого состояния. Часто активность достигается за счет ограничения таких естественных потребностей, как безопасность, дружба, любовь, признание ближайшего окружения. Обычным средством стимуляции активности является вступление в новые для субъекта отношения, часто в такие, для полноценного участия в которых он не подготовлен. (Правда, большинство ограничивается коллекционированием, поездками за город и бесконечными ремонтными работами. – *А. Р.*)

Естественно, участники подобных экспериментов обрекают себя на маргинальное положение среди членов групп, постоянно осуществляющих соответствующие виды деятельности, нередко подвергаются насмешкам и мобингу с их стороны, нередко сами

---

⁴⁸ Моррис Д. Указ. соч.

совершают преступления по неосторожности или вследствие неумения разрешить возникающие конфликты, демонстрируют повышенную виктимность в соответствующих отношениях. Так, организатор ролевой игры не предпринимает необходимых мер предосторожности, вследствие чего другой участник проникает в трансформаторную подстанцию и погибает вследствие поражения электрическим током. Но с той же вероятностью жертвой мог оказаться и сам незадачливый организатор коллективного действия...

В традиционном обществе предотвращению рассогласованности статусных требований и индивидуальных особенностей служили обряды инициации, символического породнения нового члена с конкретной семейной, возрастной или профессиональной группой. В узком смысле инициация (от лат. *initiatio* – «совершение таинств, посвящение») означает только возрастные обряды перехода юношей в разряд взрослых мужчин. «...Во многих культурах дети, достигшие половой зрелости, должны пройти через впечатляющие обряды инициации. Их забирают у родителей и собирают в группы. Затем они должны пройти суровые испытания, зачастую состоящие из истязаний и нанесения увечий. Это могут быть операции на половых органах или же нанесение ран, ожогов, ударов хлыстом, муравьиные укусы, но в то же время их посвящают в тайны племени. Когда ритуалы завершаются, они становятся взрослыми членами общества»⁴⁹. Инициация – это испытание, которое внутренне перерождает человека, делает его другой личностью, индивидуальностью. Ученые выделяют следующие цели подобных ритуалов.

Во-первых, они изолируют взрослеющего ребенка от его родителей. Раньше, когда с ним что-то случалось, он всегда мог прибежать к ним и найти поддержку. Теперь впервые ребенок должен терпеть боль и страх в ситуации, когда позвать на помощь родителей он не может. Обряды инициации обычно совершаются старейшинами в строгой секретности, остальные члены

---

⁴⁹ Моррис Д. Указ. соч.

племени к ним не допускаются. Это способствует подавлению у ребенка ощущения зависимости от родителей и переключает его преданность домашнему очагу на преданность всему племенному сообществу в целом. Усиливает этот процесс и тот факт, что одновременно ему раскрывают секреты племени, создавая тем самым основу новой личности, принадлежащей племени (первый этап приобщения к таинству).

Во-вторых, сила эмоциональных переживаний, сопровождающая посвящение, способствует тому, что учение племени навсегда врежется ребенку в память (второй этап принесения жертв и прохождения испытаний). Подобно тому, как мы не можем забыть детали какого-нибудь травмирующего случая, например утопления, падения с мотоцикла, удара током, так и посвященный в тайну новичок запомнит на всю жизнь секреты, которые открылись ему в тот страшный момент. Инициация в определенном смысле и положила начало обучению с нанесением увечий. Юноша, не прошедший инициализации по причине физической или психической отсталости или заболевания, формально оставался в младшей возрастной группе опекаемых лиц.

В-третьих, молодому взрослому становится совершенно ясно, что, несмотря на его вступление в ряды старших, он все же исполняет роль подчиненного, а ощущение власти старейшин, которую он почувствовал на себе во время посвящения, надолго врежется в его память (третий этап определения внутригруппового статуса нового члена группы)⁵⁰. Обретение дополнительных общественных правомочий (компетенции) также сопровождалось проведением различных обрядов, сходных с инициацией.

По мере роста численности, усложнения социальной структуры общества и обострения борьбы за статус внутри малых групп данная модель сочетания различных форм воспитания оказалась существенно дезорганизованной.

---

⁵⁰ Балужок В.Г. Инициации древних славян (попытка реконструкции) // Этнографическое обозрение. 1993. № 4. С. 59; Элиаде М. Тайные общества: обряды инициации и посвящения. Киев – М., 2002. С. 218–219.

Прежде всего, влияние семьи на процесс формирования поведенческих установок даже детей младших возрастных групп существенно ослабело. Воспитательное воздействие членов семьи было ограничено, с одной стороны, системой образования (наставничества), которая сформировалась в некоторых профессиональных группах древнейших обществ и в наиболее завершённом виде была представлена уже в государствах Античности.

С другой стороны, как отмечают исследователи, ослабели родовые, племенные, клановые связи, способствовавшие укреплению патриархальной семьи⁵¹. Вероятно, главная ценность жесткой классовой структуры для утверждения человеческой индивидуальности заключалась в том, что эта структура послужила средством раскола архаичного племени. Но, с точки зрения утверждения социального мира и эффективного группового взаимодействия, она оказалась совершенно бесполезным институтом. Не имеющие особых талантов индивиды пользовались всеми благами, а многим из тех, кто действительно обладал большим талантом, приходилось оставаться в стороне, растрачивая свою энергию на строго ограниченные цели.

Не удивительно, что в современных обществах⁵² его практически повсеместно заменила гораздо более эффективная меритократия, где каждый индивид теоретически имеет возможность достичь некоторого оптимального уровня в социальной сети – при добросовестном следовании предписаниям соответствующих нормативных систем. Найдя его, в идеале может даже усилить свою социальную индивидуальность, примкнув к одной из многочисленных субкультурных групп или даже сам основав такую группу.

Однако добросовестное следование нормативным предписаниям возникает не на пустом месте, в основе его лежит следо-

---

⁵¹ Вопрос достаточно исследован еще Ф. Энгельсом: Энгельс Ф. Указ. соч. С. 101–102.

⁵² Сказанное вовсе не исключает существования множества обществ, не завершивших модернизацию, для которых вполне актуальными и сегодня остаются теории К. Маркса, Л. Дюги или Г. Спенсера. – *А. Р.*

вание символическим ролям и статусным требованиям в семье. Но в индустриальном и постиндустриальном обществах дезорганизации подверглась сама система отношений полов.

«Очень часто случается, что охотник, чересчур озабоченный погоней за статусом, вынужден забросить свою семью. Это приводит к тому, что женщина в доме берёт на себя роль мужчины. Такое положение вещей создаёт психологически вредную атмосферу для детей, которая может изменить их понимание роли каждого пола. Ребёнок видит, что в семье отец лишился роли лидера. Тот факт, что он принес её в жертву борьбе за власть в гораздо более обширном масштабе суперплемени, для ребёнка ровным счётом ничего не значит, поэтому будет удивительно, если он вырастет человеком, психически уравновешенным. Даже подростку, ...хвастающемуся достижениями отца в этой сфере, отсутствие активного отеческого влияния эти достижения не заменят. Несмотря на его статус, растущий во внешнем мире, отец может запросто стать в семье “пустым местом”»⁵³.

Безусловно, негативным следствием неудач, преследующих участников борьбы за статус, является перенаправление агрессии. При этом наиболее уязвимыми подчиненными после животных являются дети, и, несмотря на гораздо более строгие запреты, существующие в обществе, они также довольно часто становятся жертвами перенаправленного насилия. Жестокость, с которой животные, дети и другие беззащитные подчиненные подвергаются гонениям, отражает степень давления, оказываемого на преследователей.

Очевидными последствиями такого положения являются следующие психологические особенности подростков, проявляющиеся даже в младших возрастных группах:

а) утрата доверия к традиционным ценностям, уважение к которым составляло и составляет основу семейного воспитания.

---

⁵³ Моррис Д. Указ. соч.

При этом неприятие сложившихся в семье отношений может подсознательно переноситься на отношения в «большом» обществе. И субъект начинает винить в своих детских переживаниях царя-батюшку, мировой капитал или соседа-иноверца;

б) ранние попытки приобретения статуса в различных малых группах, как правило, досуговых, территориальных и разновозрастных. Чаще всего это происходит вследствие конфликтов и отсутствия внимания к интересам ребенка в семье, преследования со стороны сверстников, несколько реже – вследствие конфликтов в образовательных и производственных коллективах;

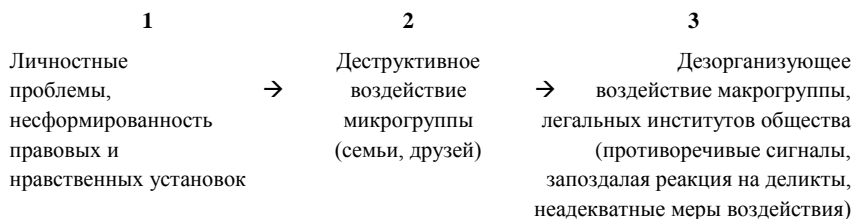
в) преувеличенное значение статусных сигналов, проще говоря, обладания вещами, обычно используемыми взрослыми людьми для подчеркивания собственного статуса. В конечном счете они лишь имитируют превосходство, не имея ничего общего с превосходством истинным. Истинный социальный статус связан с влиянием и властью над подчиненными членами группы, а не с умением курить взятку или обладанием двумя-тремя мобильными телефонами;

г) самостоятельное использование перенаправления агрессии на материальные объекты, животных, более слабых и младших, а также на более сильных лиц – при действии агрессивной группой;

д) неумение самостоятельно реализовать половые роли и выстраивать в соответствии с ними собственные сексуальные и семейные отношения. Наиболее остро данные патологии индивидуализации проявляются в пубертатный период, когда человек из детского возраста переходит во взрослый со всей причитающейся подобному транзиту атрибутикой, такой как грубоватый голос, употребление нецензурных выражений, подчеркнутая агрессивность, вызывающая наглость, желание быть «крутым» (в меру своего понимания), ранняя и чрезмерная сексуальность и т. д. Психологи относят такого рода издержки поведения, проходящие с возрастом, к «детской болезни», к неумению себя вести в соот-

ветствии с быстро меняющимся социальным статусом⁵⁴. Острее данные перемены протекают именно у юношей, доля которых среди несовершеннолетних правонарушителей в любом обществе стабильно превышает 90 %. Поэтому схему факторов подростковой делинквентности (рис. 4) следует дополнить детерминирующим воздействием раннего вступления подростка в борьбу за статус в составе малых групп, в борьбу, к полноценному участию в которой он не готов ни морально, ни интеллектуально. Отсюда – усиление детских комплексов и приобретение новых, индивидуальных.

Факторы эскалации подростковой делинквентности

Рис. 4

По той же причине в индустриальном и постиндустриальном обществе место инициации заняла другая культурная практика – псевдоинициации. Как пишет А.Н. Кравченко, это превращенная форма первобытной практики, сохранившая только поверхностные черты, но потерявшая былое культурное содержание. Инициация несет в себе мощный воспитательный потенциал, которым не обладает ее превращенная форма. Псевдоинициации, например, всевозможные «прописки», «вписки», уплата «влазного», – принятые в современных малых группах, не воспитывают и не формируют социально зрелую личность, а, как правило, деформируют и разрушают ее. После обряда инициации первобытный человек чувствовал радость, подъем душевных сил,

⁵⁴ Красикова О.Н. Мультикультурное воспитание как путь преодоления брутальности молодежной субкультуры. URL: <http://aeli.altai.ru/nauka/sbornik/2002/krasikova.html>.

а после псевдоинициации человек ощущает подавленность и унижение⁵⁵, так как ему недвусмысленно указывается на принижённый статус неофита относительно статуса полноправных членов группы.

Такое отношение является вполне закономерным, поскольку каждый полноправный член такой группы в условиях обострившейся конкуренции в борьбе за статус и все более обезличенных отношений видит в новичке лишь потенциального конкурента. Внутри групп начинается борьба лидирующей подгруппы («социального центра») и подгруппы ограниченных в правах («социальной периферии»). И в этой борьбе представители второй подгруппы оказываются в особо неблагоприятном положении: с одной стороны, их права беззастенчивым образом ограничиваются лидером и его приближенными, с другой – они, подобно особям, находящимся на периферии коллектива, чаще становятся жертвами внешней агрессии в межгрупповых конфликтах.

В завершение стоит остановиться на индивидуализирующем значении личного делинквентского опыта, опыта следования групповым нормам «маленького» общества в противоречии нормативной системе «большого» общества. Вообще, использование термина «анормативность» для характеристики противоправного поведения ребенка, подростка да и молодого человека выглядит довольно странно. Если человек, совершая поступок, пренебрегает предписаниями одной нормы, то это вовсе не значит, что его поведение не упорядочено вообще никакими нормами. Напротив, нередко, как это имеет место у стадных животных, личный успех в борьбе за статус в малой группе предполагает совершение таких действий, которые не вписываются в групповые традиции, выход за статусные ограничения. Тем самым претендент на лидирующее положение подтверждает собственную исключительность и обоснованность своих притязаний. Например, по наблюдениям американской иссле-

---

⁵⁵ Кравченко А.Н. Социология девиации. М., 2004. С. 456.

довательницы Дж. Ловик-Гудалл, проводившимся в 1974 году, молодой шимпанзе Майк, завладевший в лесу пустой канистрой из-под бензина, с грохотом носился среди своих сородичей до тех пор, пока не стал вожаком⁵⁶. В малых группах людей, не обремененных индивидуальным жизненным опытом, не осознавших собственную уникальность, притязания на лидирующее положение тоже могут обосновываться уникальным для других членов группы индивидуальным опытом, например опытом тюремного заключения. Такой опыт, по наблюдениям социологов, особо ценится у так называемых гопников⁵⁷.

Но и собственный опыт правонарушающего поведения не проходит бесследно, составляя специфическую социализацию и формируя особый тип личности привычного правонарушителя.

Специалисты лондонской компании *Volterra Consulting*, изучавшие криминальную статистику, обнаружили любопытную особенность. Оказывается, статистические описания для законопослушных граждан и для преступников не совсем одинаковы. Сдвиг в статистическом поведении происходит один раз – в тот момент, когда человек первый раз в своей жизни пересекает границу дозволенного. С точки зрения математической статистики с момента совершения первого в жизни правонарушения вероятность совершения новых систематических правонарушений стремительно возрастает.

Ученые проанализировали результаты двух различных исследований преступности. В первом из них (*Cambridge Study in Delinquent Development*) собрана статистика преступлений, совершенных выборкой из 400 юношей в северных районах Лондона на протяжении более чем двадцатилетнего периода, начиная с 1961 года, когда им было еще по восемь-девять лет. В другом исследовании (*Pittsburgh Youth Study*) 1500 учащихся школ города Питтсбурга систематически опрашивались в период с 1986 по

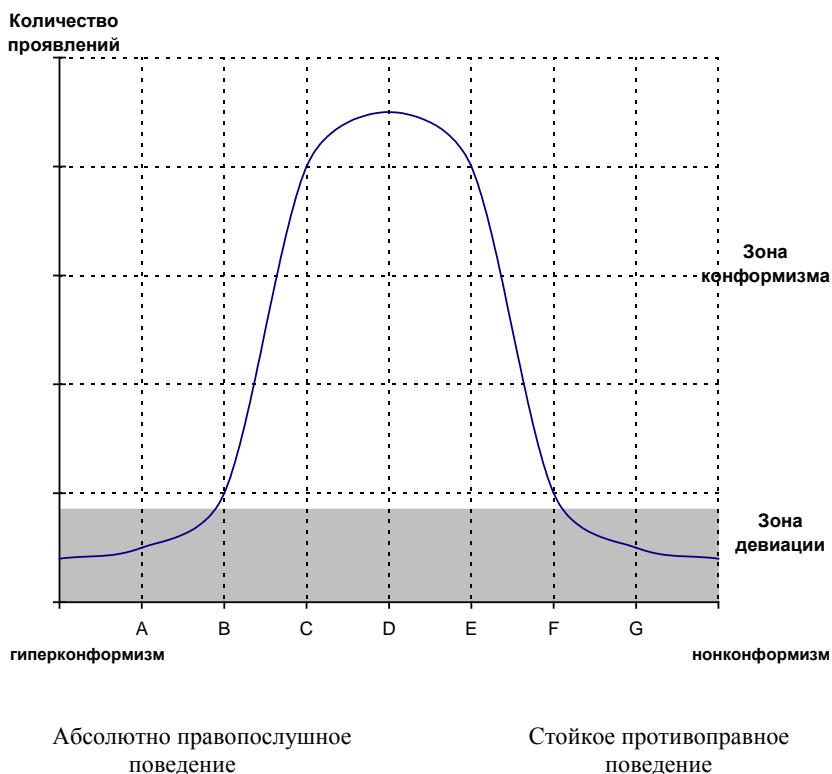
---

⁵⁶ Фридман Э.П. Указ. соч. С. 62.

⁵⁷ Гаврилюк В.Н. Гопники как феномен в среде молодежи // СОЦИС. 2010. № 1. С. 129–131.

2001 год. Они должны были сообщить, сколько преступлений (правонарушений) было совершено ими за период, прошедший после предыдущего опроса.

Изначально ученые ожидали, что статистика по числу преступлений (правонарушений) в расчете на одного человека будет описываться характерным «колоколообразным» распределением (так называемой кривой Гаусса, рис. 5). Она предполагает, что крайние случаи (абсолютная законопослушность, с одной стороны, и аномальное большое число правонарушений – с другой) будут относительно редки, а основная масса опрошенных будет совершать некое среднее число актов правонарушений.

Рис. 5

Однако выяснилось, что статистика правонарушений представителей исследуемых групп описывается степенной зависимостью, подразумевающей, что наиболее характерными являются вовсе не относительно редкие правонарушения, обычно называемые ситуационными и тяготеющие к математическому среднему, а, наоборот, очень значительные и частые отклонения от нормального или правопослушного поведения.

В обоих исследованиях большая часть мальчиков, ранее привлекавшихся к ответственности, больше не совершала преступлений. Но, если в Питтсбургском исследовании среднее количество правонарушений на одного человека за исследуемый период составляло 90, немногочисленная группа мальчиков умудрилась совершить свыше 1000 преступлений на человека, внося решающий вклад в общий результат.

Таким образом, на личностном уровне девиантное, прежде всего агрессивное, поведение выступает следствием проблем социализации и индивидуализации субъекта. При этом если проблемы социализации связаны с дезорганизацией семейного воспитания, то проблемы индивидуализации связаны с ранним вступлением неподготовленного субъекта в борьбу за статус в малых группах, деятельность которых регулируется иными нормами, относительно доминирующих в семье данного ребенка и предъявляющих к нему качественно иные требования.

Если субъект не имеет достаточного индивидуального опыта группового взаимодействия, но всячески стремится подчеркнуть собственную субкультурную уникальность, то он, с одной стороны, остается в составе соответствующей группы бесправным, а то и притесняемым другими членами группы неопитом, а с другой стороны, нередко становится жертвой внешней агрессии со стороны конкурирующих сообществ.

В этой связи, с позиции криминолога, достаточно неразумно как ограничивать ребенка в актуальной информации о принципах внутригруппового и межгруппового взаимодействия, включая

правомерные способы разрешения неизбежных конфликтов, так и ограничивать родителей (лиц их замещающих), а также местную общину в возможности осуществления традиционного контроля за воспитанием подростков и их поведением вне семьи. Ранняя эмансипация подростков, будь эта эмансипация хоть трижды законной, не способствует снижению остроты борьбы за статус в составе малых групп, а также предпочтению участниками социально приемлемых (социально нейтральных) форм подобной борьбы.

С учетом изложенного автор считает необходимым определить собственную позицию по вопросу обезьяноподобных поведенческих проявлений представителей самых разных слоев нашего общества. Проще всего было бы объяснить их распространенность рудиментарными и атавистическими психосоциальными проявлениями в рамках вульгарного эволюционизма, т. е. зоологическим происхождением рода человеческого. А раз «человек произошел от обезьяны», то каких же проявлений следует от него ожидать?

Однако выявленные факты никоим образом не отрицают и веру в Божественное сотворение человека с последовавшим за ним поражением человеческой природы первородным грехом. В результате грехопадения первые люди приобрели некоторую часть звериной природы, со всеми соответствующими ей приемами, формами, регуляторами и атрибутами. И описанные проявления ввиду морфологического (телесного) сходства организма человека и обезьяны в большей мере соответствуют именно обезьяньим приемам обхождения с ближним, а не крокодильим, верблюжьим или пеликаньим... Не случайно в древнерусской демонологии весьма часто упоминается бес человекообразного вида «псиголовец» (кинокефал). По мнению Э.П. Фридмана данный образ символизирует именно обезьяну⁵⁸. Но, возможно, здесь имеет место и воспоминание образов из языческих культов,

---

⁵⁸ Фридман Э.П. Лабораторный двойник человека. М.: Наука, 1972. С. 10.

наподобие египетского Анубиса, или тотемных предков вайнахов, балтов или славян-лютичей.

Отрицание греха в сознании человека, умышленное игнорирование греха и необходимости борьбы с ним суть потворство греху. Оно создает условия для замещения человеческих восприятий, ассоциаций, этологических механизмов, мотивов и реакций (поступков) звериными, независимо от того, к какому слою принадлежит потворствующее лицо, в какие социальные группы оно включено и в каких группах локализуются последствия его поступков. Воспроизводство «маленького» общества, бесконечная регрессия общества, является отрицанием пути единения людей в «большое» общество, в том числе и единения посредством веры, самосовершенствования, борьбы с грехом.

Например, историк Т. Молнар, признавая полезность этологии человека, считает ее достоинством именно совпадение этологического понимания человеческой природы с христианским мировоззрением. Одновременно критикуется увлечение эволюционизмом. В то же время психолог Д. Кэмпбелл, заявляя о своей нерелигиозности, признает, что этологические и социобиологические концепции человеческой природы находятся «в согласии с традиционными религиозными моральными учениями», поскольку в них заключена вековая человеческая мудрость⁵⁹.

Более того, выявленные этологами закономерности не отрицают даже модель функционального разделения сознания и подсознания, достаточно популярную среди современных сторонников фрейдизма и неофрейдизма. Вкратце ее можно описать так: «подпрограммы» организации социального взаимодействия, создания и закрепления новой информации заложены в сознании, а «подпрограммы стирания», уничтожения информации находятся в подсознании. Но напрягать сознание часто тяжело, обременительно, не приветствуется окружением («а чё он задаётся!»), вот и живут многие, «не включая» сознание. В это время подсознание

---

⁵⁹ Цит. по: Гороховская Е.А. Указ. соч.

(«коллективное бессознательное», «сверх-Я») управляет поведением и проявляется в поступках, направленных на уничтожение социальной информации, на сведение ее, что называется, под ноль⁶⁰.

В этой связи показательным является пример критики этологических подходов, представленный современным христианским философом Э. Фроммом в книге «Анатомия человеческой деструктивности». Однако психоаналитическая концепция агрессивности, изложенная в данной книге, во многих отношениях сходна с теорией К. Лоренца. Так, Э. Фромм, подобно этологам, считает оборонительную агрессивность у человека основанной на врожденном нейрофизиологическом механизме, хотя и не признает спонтанной агрессивности, считает ее чисто реактивной, возникающей в ответ на реальную или воображаемую, даже неосознанную, угрозу.

Кроме того, Э. Фромм последовательно отделяет оборонительную агрессивность от так называемой злокачественной агрессии, связанной с жестокостью и деструктивностью. Но, как и К. Лоренц, он связывает подобные проявления со специфическими условиями человеческого существования, признавая податливость человека на манипуляции его инстинктами. Специфику этого процесса философ видит в существовании у человека особых экзистенциальных противоречий: «Он (человек) – часть природы, подчиненная ее физическим законам и неспособная их изменить. Одновременно он как бы противостоит природе... Он связан кровными узами и в то же время чувствует себя безродным. Зброшенный в этот мир случайно, человек вынужден жить по воле случая и против собственной воли должен покинуть этот мир. И поскольку он имеет самосознание, он видит свое бессилие и конечность своего бытия... Человек – единственное живое существо, которое чувствует себя в природе неуютно, не в своей тарелке, ведь он чувствует себя изгнанным из рая. И это единст-

---

⁶⁰ «Под ноль» – название журнала, весьма популярного в российских скин-кругах.

венное живое существо, для которого собственное существование является проблемой»⁶¹.

Решение данной проблемы представляет собой выбор между механизмами психологической защиты (бегством) и нравственным самосовершенствованием (преодолением тварности). Механизмы психологической защиты могут сослужить пользу как средство преодоления тревоги, снятия напряжения лишь в том случае, если человек прибегает к ним достаточно редко, пока не найдет более рациональный способ разрешения конфликта. Если же человек прибегает к ним слишком часто, то у него развивается состояние, которое Фрейд назвал неврозом. Если прибегать к психологической защите всякий раз, когда ситуация тревожит вас, формируется неадекватное поведение: кто-то моет руки десять раз на дню, другой испытывает необъяснимую боязнь темных мест, третий остерегается встречаться с девушками и т. д. Психологическая защита – это система, направленная на ограждение сознания от неприятных, травмирующих переживаний, сопряженных с внутренними и внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта.

Признаки такого поведения очень просто заметить не только во вспышках слабо мотивированной брутальной агрессии (и аутоагрессии), но и в саморазрушении личности использованием различных психостимуляторов, в ведении бизнеса к разорению и банкротству, в деградации социальных связей, сексуальной неразборчивости, в «адреналиновом голодании». Согласитесь, что рассуждать о философии Б. Рассела и А. Тойнби публице довольно сложно, значительно проще показать голый прыщавый зад очередной «звездюльки», и «общественность» будет в восторге, в полной уверенности, что каждый таким же скотским способом имеет право получить свои «минуты славы». Ту же природу имеет массовый спрос на средства и методики разблокирования подсознания (блокировки сознания), высвобождение его из культур-

---

⁶¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 195.

ных «оков»: от кухонного оккультизма и пресловутого нейролингвистического программирования до тяжелых синтетических наркотиков.

Подтверждением этих рассуждений могут служить достаточно типичные примеры диффузии приемов территориального поведения приматов в практику человеческого общежития. Ранним утром обезьяны-тамашины (Восточная Бразилия) оглашают окрестности криками высокого тона. Солируют обычно альфа-самец и альфа-самка. «В действительности же населению окрестностей (главным образом обезьяньему) напоминалось, что данная территория занята и бдительно охраняется. Доказательством охранительного значения этого концерта было то, ...что другие члены той же группы на него не реагировали, зато отвечали представители соседних кланов»⁶².

Но сходная картина имеет место в поведении группировок делинквентных подростков, расписывающих заборы и стены гаражей стилизованными названиями своих «контор» и «бригад», и отдельных взрослых лиц, «фанатеющих» от собственных достижений (как правило, весьма относительных). Именно такое назначение имеют бесконечные ремонтные работы в квартирах и автомашинах (последние перегоняются для этого из гаражей под окна многоквартирных домов), сопровождающиеся громкими ударами или задумчивым хождением вокруг транспортного средства под громкую музыку (для этого дверцы открываются или стекла опускаются) и звук работающего двигателя.

Эти действия совершаются исключительно лицами мужского пола, что косвенно указывает на зоопсихологическую первооснову подобной активности. В 80–90-е гг. прошлого века автор наблюдал и такой способ «отмечания» территории, как выставление в открытое окно ревущих колонок магнитофонов и первых музыкальных центров. Очевидно, помимо «обозначения владений» в этом присутствовал и элемент демонстрации собственной

---

⁶² Фридман Э.П. Приматы... С. 113.

половой состоятельности (понимаемой совершенно по-обезьянью), как и при подаче звуковых сигналов из машины незнакомым прохожим противоположного пола...

Между подобными поведенческими реакциями и иными формами неодобряемого окружающими в том или ном случае поведения не существует непреодолимой границы, какого-то качественного скачка в нарастании девиации. Более того, неожиданная отрицательная реакция на поведение, обычное в традициях некоторой малой группы, может быть воспринята представителем соответствующей группы именно как агрессивная и требующая немедленной защиты. Если одновременно «защищаются» множество субъектов, так или иначе противопоставляющих себя ограничивающему воздействию со стороны «большого» общества, вполне допустимо говорить о наличии предпосылок для формирования совершенно особого, «маленького» общества с соответствующей, во многом уникальной, субкультурой.